

тактной печати, кайф, именно кайф рисунка объектива. А японская оптика — она достигла совершенства в резкости, и у вас получается просто резкое изображение. Вот немцы выпускают мелкими партиями Imagon Rodenschtok, там специальная диафрагма, она сохраняет мягкость.

Когда мы снимали портреты 13 x 18, мы снимали жесткой оптикой, и мягкость достигалась несколькими способами. Можно поставить перед объективом стекло, намазанное вазелином. А можно натянуть на объектив чулок любимой девушки, обычный капроновый, и контролировать резкость, прожигая сигаретой дырочки в этом чулке.

— А нет ли в этом риска создать свои штампы?

Я бы не стал говорить о штампах того уровня, который мы видим в интернете, потому что это уже скорее творческие изыски. Они требуют определенных усилий, и уже не могут быть бездумными.

Компьютер — прекрасный новый инструмент, и принтер тоже. Я могу на принтере печатать на любом материале. Вот пошел как-то в магазин купить ребенку конфет, мне стали их заворачивать в какой-то крафт шестидесятых годов. Я выпросил рулон, теперь печатаю на нем с наслаждением. Я не забочусь о носителе, печатаю иногда чуть ли не на газетах — получается интересно. Вот, например, фотография — это перенос на подлинных листах середины XIX века. История у нее забавная: мне подарили когда-то первое полное собрание сочинений Шекспира на русском языке, 1861 год. И обложка расклеилась — была одна только обложка на четырехтомнике, она у меня рассыпалась в руках. Листы, использованные в переплете (газеты того времени), долго лежали у меня, потом я стал делать на них переносы.

Компьютер, сканер и принтер — это замечательные инструменты, и я очень рад, что они появились. Я сейчас много занимаюсь архивными материалами — у меня хранятся негативы художников Кустодиева и Шевченко, они снимали на форматные аппараты. Судя по всему, у них был так называемый фильм-пак, приспособление для быстрой съемки, точнее, смены пленки в листовом аппарате — это видно по краям, потому что листы вытаскивались специальной бумажкой, и где-то она обрывалась, где-то налипала на эмульсию. Это были примерно десятые годы, негативы зацвели, и этот цвет, который получился от времени, — его никаким образом не сделаешь. И в этом преимущество сканера — при черно-белой печати, для которой эти негативы предназначены, цвет просто не будет виден. Это преимущество меня очень радует: вместо обычной архивной карточки открывается другая жизнь негатива. В нем появляются новые смыслы.

«Фотография требует, чтобы ею занимались серьезно, требует учебы»

Я стараюсь быть как можно ближе к оригиналу всегда. В случае с архивными негативами я просто стараюсь передать то, что возникло само собой. Такое не придумаешь. В своих работах я тоже не выдумываю, а стараюсь увидеть и передать оригинал — то, что уже есть. Когда я иду по улице, то вижу уже сложившееся само собой произведение и пытаюсь снять его как можно ближе к реальности.

Всякое искусство религиозно. В самых широких пределах, от христианства вплоть до религии Вуду, но — всегда. Сейчас

очень много появилось вещей, сделанных в духе черных религий, и мне даже смотреть на это трудно. Причем от жанра это не зависит — есть, например, сериалы, про ментов какие-то, там по сюжету кровь хлещет, а черноты нет. А есть гламурные поделки, с виду безобидные, а я видеть их не могу.

Многие художники и фотографы уезжают за границу. Я для себя этого, пожалуй, не представляю. Не потому, что мне там будет плохо: я думаю, где родился, там и пригрозился. Вряд ли это происходит случайно — кому где родиться. **Алексей КОЛМЫКОВ**